

А. Н. Чубинский (Москва)

РУССКИЕ «ДВУХАРШИННЫЕ» СТВОЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ И ПИЩАЛИ 1674 ГОДА

В СОБРАНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ Музеев Московского Кремля имеется группа однотипных длинных ружейных стволов, которые никогда не публиковались и не становились предметом исследования (ил. 1–3)¹. Согласно инвентарной книге эти стволы изготовлены в Турции в XVII в.²

Точное количество описываемых стволов — пятьдесят восемь, они несколько отличаются друг от друга размерами, вес одного из них 4,795 кг. Длина (без хвостовиков) колеблется от 148,5 до 161 см, средняя длина хвостовика — около 5 см, калибр 15,8–18,1 мм; большая часть стволов имеет калибр 16–17 мм. Каждый ствол разделён широким пояском из двух поперечных канавок на две части — короткую казённую (длиной около 20–22 см), имеющую круглое сечение, и длинную дульную. Дульная часть в нижней части круглая, а сверху обточена семью узкими гранями³. Дульное расширение грушевидное вытянутое, с двенадцатью продольными гранями, отграничено пояском из двух канавок. Над казённым срезом наварен треугольный прицельный щиток с диоптрическим прицелом, у ряда стволов сквозного отверстия в прицеле нет. Мушки отсутствуют. У ряда стволов на нижней поверхности имеются по три поперечные метки (под серьги или ушки), на гранёной части ствола вырезаны картуши с трилистниками. У нескольких стволов на казне гравированы растительные завитки. У части стволов запальные отверстия намечены, но не пробиты. Стволы побиты, потёрты, некоторые погнуты. Два хвостовика утрачены, несколько из них погнуты, некоторые с разрывами, на некоторых нет крепёжных отверстий, у одного ствола на хвостовике имеется два отверстия (ил. 4). До последнего

Ил. 1. Стволы, общий вид. Музеи Московского Кремля

Ил. 2. Казённая часть ствола. Музеи Московского Кремля

Ил. 3. Дульная часть ствола. Музеи Московского Кремля

времени все стволы были покрыты толстым слоем пушечного сала, появившимся, видимо, в музейный период их существования для предохранения от ржавчины.

Атрибуция описываемых предметов велась по двум направлениям: их выявление в ранних документах Оружейной палаты и поиск аналогий. Среди последних отметим в первую очередь ранние турецкие аналоги с грушевидными дульными расширениями — стволы примерно середины XVII в., установленные на трёх итальянских ружьях из собрания Польди Пеццоли, длиной в 130–150 см и калибром 17–18 мм⁴. Несколько длинных восточных, скорее всего, турецких стволы с грушевидным оформлением дульной части и диоптрическим прицелом на казне наличествуют и в Оружейной палате. Первый — насечённый золотом тяжёлый ствол длиной около 160 см, калибром 19 мм,

Ил. 4. Хвостовик с двумя отверстиями. Музеи Московского Кремля

установленный на «крепостном» фитильном ружье, датированном 1602 г.⁵ К числу ближайших аналогов можно отнести два ствола с резным рельефным орнаментом на казне и у дула и нечитаемыми клеймами в казённой части⁶. Оба датируются XVII в. и отличаются от стволов описываемой группы пропорциями и размерами (длина 141 и 151 см, калибр 18 и 21 мм); на дульных расширениях имеются характерные продольные пазы для установки двойных турецких мушек (ил. 6)⁷.

Попытка отыскать какую-либо новую информацию об описываемых предметах в музейных описях XIX в. не была результативной. В Описи Московской Оружейной палаты 1886 г. эти стволы включены в одну большую группу, лаконичное описание которой «стволов ружейных шестьсот восемьдесят пять»⁸ лишь отчасти соответствует действительности: в реальности помимо длинных стволов в эту группу входят стандартных размеров русские пищальные и голландские карабинные стволы XVII в.⁹

Легко опознаются длинные стволы в Описи Оружейной палаты 1835 г.: «Стволов ружейных турецких долгих гранёных с гранёными ж к концам оных раструбцами и с двумя на каждом поясками шестдесят три, на некоторых из оных вырезаны травы, а у прочих оныя счистились»¹⁰. Как видно, и в этом документе все стволы также названы турецкими. В Описи Оружейной палаты 1808 г. их нет, поэтому попытки отыскать их в более ранних описях казались нелогичными. Это позволяло выдвинуть версию, согласно которой турецкие стволы, изготовленные в XVII в., исходно хранились в одной из турецких же крепостей как комплектующие детали для дальнобойных ружей, а в Москве они появились как трофеи одной из военных кампаний конца XVII — XVIII в. и до начала XIX в. пребывали, например, в кремлёвском Арсенале, лишь позднее пополнив собрание музея. Имелись и документальные свидетельства о наличии подобных трофеев. Например, в письме царя Петра Алексеевича Андрею Винуису от 1696 г. упоминалось, что «В Азове и в Лютине пушак взято больших и малых и бакштырских 132, 1076 пищалев и стволов целых и ломаных... также и иных припасов всяких немало взято»¹¹.

Однако эту гипотезу пришлось подвернуть сомнению после изучения описей Оружейной палаты начала XVIII в. Выяснилось, что стволы сходной длины, во-первых, не были редкостью в кремлёвских оружейных хранилищах, а во-вторых, чаще всего были установлены на ружьях тульского производства. В 1711 г.

в Оружейной палате хранились «110 пищалей двуаршинных станки кленовые с прикладом тульского дела... 163 ствола двуаршинных тульского дела... 83 пищали 3-х аршинных... 75 двуаршинных... сто шездесят три ствола двуаршинных тульские нефузейные»¹², а в 1716 г. в царском хранилище было «130 пищалей двуаршинных тульского дела»¹³. «Двухаршинные» — длиною немногим более 140 см.

Заметим, что большая часть длинных стволов и оружия с такими стволами, а может быть, и всё такое оружие, упомянутое в 1711 г., к 1716 г. покинуло Оружейную палату (ружья с «двухаршинными» стволами 1716 г. нельзя однозначно сопоставить ни с одной из групп, упоминавшихся в 1711 г.). Скорее всего, оно было выдано в действующую армию или крепостные арсеналы.

В 1730 г. в Оружейной палате хранилась единственная группа длинных стволов: «Стволов двуаршинных горелых девяноста один»¹⁴. Упоминание «горелых» деталей позволило с большой вероятностью сопоставить их с описываемой группой, а также объяснило многие странности, наблюдаемые на предметах из современного собрания. Наличие на описываемых стволах намеченных, но не сквозных отверстий — в запалах и прицелах — можно объяснить тем, что под воздействием высокой температуры эти отверстия «заварились» и перестали быть проходимыми. Частичная расчистка стволов выявила в нескольких случаях следы крепления мушек на дульных расширениях. Также были обнаружены следы установки ушек, а именно: крепёжные площадки, врезанные в нижней части ствола в трапециевидные пазы (на ласточкин хвост); думается, что при чистке после пожара и демонтажа стволов остатки ушек были срезаны, а поверхность металла зашлифована. Эти находки позволили предположить, что стволы были не заготовками, а полностью комплектными деталями. А состояние хвостовиков позволило сделать вывод о том, что стволы некогда были установлены на ложи, полностью выгоревшие в результате пожара. Погнутые и отломанные хвостовики, разорванные отверстия на хвостовиках свидетельствуют о том, что при разборке сгоревшего оружия хвостовые винты извлекались грубо, и в ряде случаев демонтаж этих винтов травмировал стволы. В ряде случаев хвостовые винты вообще не удалось извлечь из хвостовиков, — в результате воздействия высокой температуры они «приварились» к резьбовым отверстиям, и их пришлось срезать и стачивать заподлицо с поверхностью металла.

Ил. 5. Пищаль Никифора Кобелева с замком Ивана Тобылы 1663 г. (Оружейная палата, 1663 г.) и ствол крепостного ружья (Оружейная палата, 1674 г.). Музеи Московского Кремля

Ил. 6. Дульные части ствола пищали Никифора Кобелева 1663 г., турецкого ствола XVII в., декорированного резным орнаментом, и двух стволов 1674 г. Музеи Московского Кремля

Действительно, при очистке стволов от пушечного сала были выявлены «заклёпанные» отверстия: остатки хвостовых винтов в отверстиях выглядели как заклёпки. После чистки сгоревших стволов в ряде «заклёпанных» хвостовиков проделали новые отверстия, предполагая, очевидно, возможную установку стволов на новые ложи. Наиболее характерным в этом плане выглядит хвостовик, в котором имеется сразу два отверстия.

В этом месте нашего исследования можно было бы поставить точку и атрибутировать стволы как предположительно тульские рубежа XVII—XVIII вв. Но такое определение было бы уязвимым, так как на сегодняшний день в музеях мы не имеем не только аналогов тульских двухаршинных стволов с такой датировкой, но вообще ни одного тульского ствола, который бы аргументированно мог быть отнесён к Петровскому времени. Также

маловероятно, чтобы стволы, явно подражающие турецкому оружию, массово изготавливались одновременно со строительством армии, которая должна была во всем соответствовать европейским образам. Эти соображения заставили нас продолжить поиск аналогов и документальных упоминаний длинных стволов более раннего времени.

Действительно, такие аналоги нашлись среди работ мастеров Оружейной палаты и, к счастью, имели довольно точную атрибуцию. Первый их них — откованный мастером Никифором Кобелевым ствол «крепостной» пищали 1663 г.¹⁵, длиной 173,5 см и калибром 15 мм, общая длина 213,3 см (ил. 5, 6) («крепостная» — определение в музейном инвентаре, к правомерности этого названия мы вернёмся ниже). Дульное расширение у этого ружья резное в виде головы дракона с раскрытой пастью, из которой выходит дуло. Ещё два аналогичных ствола установлены на парных ружьях работы мастера Луки Журина конца 1660-х гг.; длина обоих — около 141 см, дульные расширения — грушевидные гранёные удлинённые, а калибр 15 мм с точностью до десятых долей совпадает с калибром ружья 1663 г. Последние два ствола несколько короче, чем стволы описываемой группы, но весьма близки к ним по форме, при этом отковавший их мастер, похоже, является ключевой фигурой в истории изготовления группы двухаршинных столов.

Лука Иванов Журин — ствольный мастер белорусского происхождения, в 1660 г. он перебрался из города Быхова в Москву, был зачислен в Оружейную палату, где и работал до второй половины 1670-х гг. Впервые данные о работах этого мастера привёл И. Е. Забелин¹⁶, его имя упоминалось А. Е. Викторовым¹⁷. В настоящий момент в собрании Оружейной палаты выявлено по меньшей мере семь его работ, в том числе стволы с двадцатью четырьмя нарезками и единственная русская пищаль с двумя стволами, один из которых вкладывается в другой¹⁸. В документах Оружейной палаты он именовался также Лукой Ивановым и Лукой Быховцем, и чаще всего «поляком», как и большинство мастеров белорусского происхождения, хотя количество этнических поляков среди них было невелико.

В Оружейной палате Лука Журин передал технологию заварки «длинных» (полутораметровых и более) ружейных стволов упомянутому Никифору Кобелеву и другим мастерам: «Он же Лука вновь мастерство свое объявил, делал стволы гладкия в два

аршин с четвертью. И с того его лукина обрасца... такие ж длинные стволы научились делать его братья иноземцы ствольные мастера и руския Никифор Кобелев с товарищи»¹⁹. Получается, что до Журина ствольщики Оружейной палаты подобными навыками не обладали²⁰. В январе 1668 г. Луке Журину были выданы деньги для изготовления «двух стволов турских длиною два аршин с четвертью (чуть менее 160 сантиметров. — А. Ч.)»²¹. Оружие было изготовлено к Пасхе и поднесено в дар царю Алексею Михайловичу, в числе других «подносных дел» оно значилось как «2 мушкета новья... делал поляк Лучка Жюрин, замки московского дела, станки кленовые окрашены аспидом зелёнým»²². К сожалению, эти «мушкеты» не сохранились, поэтому неизвестно, насколько точно длина их стволов соответствовала проектной в два с четвертью аршина.

Зато сохранилась упомянутая крепостная пицаль Никифора Кобелева (ил. 5), она точно идентифицируется в списке оружия, поднесённого царю после Пасхи 1663 г.: «3 пицали стволы длиною 2 аршина и больши, делали Микифор Кобелев, Федор Алаторец, Артемий Нижегородец, станки кленовые делали поляки»²³. Ствол пицали подпадает под определение «больше двух аршинов», ложа, в действительности, вырезана из клёна, наконец, имеющееся на стволе трижды выбитое клеймо «Микифор» подтверждает авторство этого мастера. Ствол этой пицали можно считать самым длинным из числа сохранившихся русских ружейных стволов, который был точно изготовлен мастером Оружейной палаты XVII в. Интересно, что в другом месте цитированного документа та же пицаль названа «туркой»²⁴. Это определение можно объяснить длиной и морфологией ствола, а также оформлением дула в виде головы дракона, в действительности сходного с турецкими образцами первой половины XVII в.²⁵ Вообще, упоминаемые в русских документах «турские» стволы (равно и ружья «турки» или «на турецкое дело») чаще означают не происхождение оружия, а его технические или декоративные характеристики. Интересно, что ствол пицали Кобелева 1663 г. имеет тот же калибр с точностью до десятых долей миллиметра, что и два вышеописанных ствола Луки Журина, вероятно, все они были рассверлены одним и тем же сверлом.

Из комплекса документов Оружейной палаты 1674 г. следует, что Лука Жюрин принимал активное участие в изготовлении крупной группы «длинных пицалей». Большую ценность

представляет распоряжение, датированное 23 января 1674 г.: «По указу великого государя боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово да стольник Иван Степанович Телепнев приказали вновь сделать в Оружейной полате восемь пищалей длинных на турецкое дело з замками и станками, стволы длиною по два аршина с четью (то есть «с четвертью». — *А. Ч.*), стволы и замки поместом позолотить, а станки сделать с костями... стволы велено сделать ствольным мастером из русских Никифору Кобелеву да иноземцом Луке Жюрину, Роману Комаеву, Василью Быховцу... те пищали велено им... сделать в поднос к неделе святой Пасхи. А станки делать станочникам ярославцом, а кости в станки врезывать токарем поляком, а замки делать Дрону Дементьеву с товарищи»²⁶. Позднее произошли какие-то изменения, в результате планируемое число стволов для каждого мастера возросло: «Ствольным мастером иноземцом Луке Жюрину, Василью Быховцу, да рускому Роману Комаеву государева жалованья... за полтора месяца тринацать рублѣв с полтиною... делали они в поднос празднику к неделе святя Пасхи по три ствола длинная на турецкое дело из них третьей человек Роман Комаев те стволы и золотил»²⁷. В результате к пасхальному подношению 1674 г. царю Алексею Михайловичу было сделано всего «двенадцать пищалей турецких золочѣных», а после Пасхи было принято решение «делать восемьдесят восемь пищалей тем же образцом»²⁸. В середине июля того же 1674 г. решение было подтверждено: «В Оружейной полате сделать вновь мастеровым людям руским и иноземцом Луке Жюрину да Никифору Кобелеву с товарищи восемьдесят восемь пищалей длинных на турецкое дело к прежним к двунатцати пищалем... да к тем же стволам сделать пятьдесят замков против прежних на турецкое ж дело Оружейныя полаты... мастером Оське Олферьеву, Ивашку Федотову, да Ствольного приказу Ларке Алферьеву, Кузьке Кондратьеву»²⁹. Понятно, что руководство оружейного ведомства планировало довести число однотипных «турских пищалей» до ста — вдобавок к имеющимся двенадцати «двухаршинным с четью» сделать еще восемьдесят восемь стволов. К декабрю 1674 г. было изготовлено лишь полсотни таких ружей: «По указу великого государя боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово... приказал пятьдесят пищалей длинных гладких, что деланы вновь на турецкой образец, по местом посеребрить и расчеканить, а гребешки и по два пояска позолотить»³⁰. Замочным мастерам Оружейной палаты Семѣну

Нижегородцу и Демиду Валдацкому было «велено посеребрить пятьдесят замков на турской образец к пищалем длинным турским»³¹. 19 декабря того же года было выдано «станочного дела мастером Василью Корцу с товарищи на пятьдесят станков кленовых к пищалем длинным гладким, которые деланы вновь на турецкой образец на крепкую вотку по три алтына по две деньги на станок и того пять рублёв, да на пять фунтов клею рыба карлук по пяти алтын за фунт, итого дватцать пять алтын»³².

Приведённые в цитатах характеристики стволов 1674 г. — длинна в два с четвертью аршина (около 156 см), прицелы турецкого типа («гребешки»), наличие двух поясков — дают основание идентифицировать их как описанные выше «горелые» стволы из современного собрания Оружейной палаты. Как видно из документов, у стволов были золочёные прицелы и пояски, а также серебрёные зоны. Замки конструктивно относились к средиземноморскому типу, более конкретно — это были турецкие микелеты. Кленовые ложи могли иметь аркебузные приклады (как на пищали Кобелева 1663 г., см. ил. 5), но более вероятно, что это были приклады турецкого типа (гранёные ружейные пяти- или шестигранные в сечении). Отметим, что инкрустированные ложи с турецкими прикладами и костяными затыльниками массово изготавливались в Оружейной палате и в начале 1680-х гг., и на них устанавливались замки турецкого типа³³.

В описи царской оружейной казны 1682 г. ружья 1674 г., скорее всего, значились как «68 пищалей гладких на турской образец, по местом золочёны и серебрёны, станки кленовые с костми»³⁴. В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. этим ружьям дано более подробное описание «У иноземца у Андрея Артемьева... в Верхней и в Нижней полатах пятьдесят пять пищалей длинных турецкого дела, стволы в трёх местех золочёны и серебряны. Замки турецкие, по местам золочёны ж. Станки с костми назади, у станков кости слоновые... по осмотру те пищали против прежних переписных книг сошлись, цена по осми рублёв»³⁵. Разнящееся количество «длинных» пищалей в 1682 и 1687 гг. обусловлено, надо полагать, тем, что это парадное оружие часто покидало казнохранилище и выдавалось для участия в военных парадах и других церемониальных мероприятиях. Отсутствие в этих описях или иных документах Оружейной палаты 1670-х гг. других крупных групп «длинных турецких» ружей говорит о том, что производственная кампания 1674 г. была единственной.

В любом случае, выявленные нами в собрании Оружейной палаты стволы представляют собой уникальную группу, самую раннюю из числа сохранившихся серию русского «образцового» оружия, — очевидно, выполненного по единому образцу. Ствол, послуживший образцом, мог быть разработан на основе одного из вышеупомянутых турецких стволов (ил. 6)³⁶. Трудно сказать, кто именно изготовил этот образец — Лука Журин, который, безусловно, стоял у истоков производства стволов 1674 г., или Никифор Кобелев. Имеются данные о том, что последний из этих ствольных мастеров должен был отковать другой образцовый ствол, но это относилось к концу 1674 г., когда большая часть описываемых «длинных пицалей» уже была изготовлена: «183-го ноября в 8 день... Микифору Кобелеву... сделать на образец ствол пицальной гладкой длиною дву аршин пулею в дватцать в одну пулю из фунта»³⁷. Об этом же стволе идёт речь в другом документе: «183-го ноября в 29 день... мастеру Микифору Кобелеву... сделать ствол гладкой яныцкой мерою в длину в два аршина, пулею в дватцать одна пуля»³⁸. «Двадцать первый» калибр (около 15,5 мм) не встречается у описываемых стволов, и среди них нет ни одного ствола короче 148 см, следовательно, если ствол Кобелева был изготовлен согласно ноябрьскому указу 1674 г., то ни он, ни его «реплики» не могли затеряться в исследуемой группе.

К вопросу о персоналиях оружейников, задействованных в 1674 г., нужно добавить личные знаки (?) мастеров, обнаруженные при частичном удалении органических загрязнений со поверхности стволов³⁹. На одном из них было выбито плохо читаемое клеймо К. М.(?) в пятиугольном горизонтальном щитке. Маловероятно, что оно означает «Кобелев Микифор», так как этот мастер имел гораздо более чёткое клеймо⁴⁰. На другом стволе в нижней части казны тонко гравированы инициалы «М. Х.»; можно предположить, что это знак мастера, который гравировал растительный орнамент на этом же стволе и который, скорее всего, был иностранцем (белорусом или западноевропейцем).

Отметим, что в изготовлении описанных ружей, несмотря на их декоративный и парадный характер, не участвовали ведущие мастера Оружейной палаты, такие как Григорий и Афанасий Вяткины, Василий Титов, Ермола Фёдоров, Филипп Тимофеев. Известно лишь, что Григорий Вяткин давал консультацию по

стоимости необходимых материалов⁴¹. Это наблюдение позволяет наметить границу между мастерами первого ряда и оружейниками, участвовавшими в массовом производстве вооружения, которые частично числились в штате царской мастерской, но в большей степени в Ствольном приказе, дочернем по отношению к Оружейной палате учреждения.

Хотя в создании стволов 1674 г. принимали участие несколько мастеров Оружейной палаты, работы которых выявлены в современном собрании музея, это не позволяет найти в описываемой группе «авторские произведения». К сожалению, стволы, как и любое серийное оружие, обезличены. Несмотря на то, что у стволов существует известный разброс калибров, не увенчалась успехом попытка подсчитать количество свёрл, которыми они были рассверлены. Не оправдалось и предположение о том, что имеющие один и тот же калибр стволы были откованы и рассверлены одним и тем же мастером и, следовательно, должны быть чем-то сходны между собой. Скорее всего, это означает, что в изготовлении каждого ствола принимали участие несколько мастеров. В этом плане организацию производства мастеров Оружейной палаты и Ствольного приказа над пищалями 1674 г. можно уподобить мануфактуре с чётким разделением труда. Над каждой пищалью, судя по вышеприведённым цитатам и внешнему виду стволов, могло трудиться более полудюжины мастеров. Даже если предположить, что большую часть работ над стволом выполнял один мастер — ковал ствол начерно, обтачивал его, рассверливал канал, заглушал казну казённым винтом, пробивал запальное отверстие, а также напайвал прицел, мушку и ушки под шпильки, — то гравировал орнамент другой мастер, третий наносил на ствол позолоту (и серебрение), четвёртый изготавливал замок, пятый вырезал ложу и монтировал на ней остальные детали, шестой «врезывал» в ложу костяную инкрустацию. О приборе лож 1674 г. мы ничего не знаем, кроме наличия костяного затильника; металлические детали прибора в Оружейной палате чаще всего изготавливали замочные мастера. Отсутствие в документах упоминаний прибора (к которому в первую очередь относилась спусковая скоба) может указывать на то, что ложки были турецкого типа, не предусматривавшего наличие специальной детали для защиты спускового крючка.

Наиболее сложный вопрос в нашем исследовании — целевое назначение ружей с «двухаршинными» стволами. Их

разнообразный декор показывает, что они были задуманы как парадное оружие. С большой вероятностью «длинные» пищали в январе 1675 г. участвовали в торжественной встрече «кизыл-башских» (иранских) послов, когда «перед ближними людьми ехали наперёд две сотни конюшенного чину, а все ехали в кюках да в латах с пищальми, с турками и с корабины»⁴². Вероятно, «турки» в этой цитате — это и есть пищали 1674 г., а их изготовление было приурочено ко дню прибытия в Москву иранского посольства (при этом неясно, насколько уместным было такое вооружение для всадника, даже если они были снабжены ремнями на антабках). В то же время, пищали 1674 г. обладали выдающимися боевыми качествами в плане прицельной стрельбы на большие расстояния.

К сожалению, в других письменных источниках XVII в. подобные сверхдлинные ружейные стволы встречаются редко, и не всегда ясно, о каком оружии идёт речь. Например, мы не можем утверждать, что упоминаемые в 1694 г. «в оружейном анбаре» Смоленска «89 пищалей долгих с замками»⁴³ имели стволы, сравнимые с описываемыми по длине; возможно, они были лишь немногим длиннее мушкетных стволов.

Более конкретные данные имеются в описях 1679 г. военного имущества солдатского полка Матвея Осиповича Кравкова и стрелецких полков Семена Грибоедова, Андрея Дохтурова и Афанасия Парасукова: «11 пищалей по 2 аршина... 12 пищалей 3-аршинных... 7 пищалей длинных 3-х аршин 3 замки»⁴⁴. Описания этих ружей помещены после перечисления полковой артиллерии, число ружей в каждом полку соотносится с количеством пушек, так что нельзя исключить, что дальнобойными ружьями в этих полках была вооружена артиллерийская служба. Как именно выглядело это оружие — сказать трудно.

Подробные описания пищалей с «двухаршинными» стволами содержатся в описи арсенала Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. Там среди ручного огнестрельного оружия хранилось двадцать пять ружей со стволами в два аршина и более (в том числе одно нарезное)⁴⁵. Значительная часть этих ружей именовалась турками, при этом на них не было ни одного турецкого замка. Приведём описание нескольких из них: «Пищаль турка с притином, ствол длина два аршина, полпята вершка... замок русской, пружины гнутыя; ложа берёзовая... приклад казачей... Пищаль казансково дела, ствол от казны до поясков грановит, от

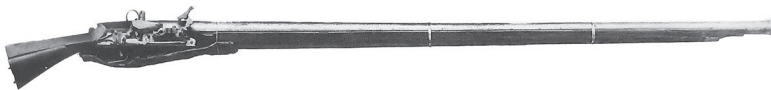
поясков до поясков же гладь; дуло грановито... длина два аршина, полосма вершка... замок шкоцкой; ложа буковая... приклад казачей... Пищаль... *дуло грановито с яблоком* (курсив мой. — А. Ч.), пояски втираны серебряные; длина два аршина без полувершка... замок пружины гнутыя; ложа берёзовая, с костями... приклад русской»⁴⁶. Повторяющееся наименование «турка» подтверждает, что родиной сверхдлинных стволов является, скорее всего, Турция, при этом, думается, на монастырском оружии большая часть деталей была русского производства. Редчайшее упоминание Казани как оружейного центра («пищаль казанского дела») говорит о том, что география производства длинных стволов была весьма обширна, и у нас нет оснований считать, что мастер Оружейной палаты Лука Журин являлся единственным в России обладателем технологии изготовления подобного оружия. Крайне важно наличие на одной из пищалей «притина» — скорее всего, железного крюка, приваренного к стволу снизу, как у крепостного ружья-гаковницы. Это единственное указание в источниках на подобное приспособление.

Приведённые данные из письменных источников, а также новая атрибуция исследуемых длинных стволов показали необходимость поиска аналогичного оружия, на этот раз русского, в музейных собраниях России.

Интереснейший аналог ружей 1674 г. находится в Государственном Эрмитаже (ил. 7). Это пищаль, опубликованная Э. Э. Ленцем как русская конца XVII в. со стволом длиной в два аршина и калибром 3/8 вершка (около 16,5 мм)⁴⁷. Ствол с гранёной казной и резной дульной частью, аналогичной вышеописанному стволу Никифора Кобелева 1663 г., — с рельефным изображением головы дракона с раскрытой пастью; манера резьбы не позволяет определить ствол как изделие этого мастера. Прицел в виде трапециевидного щитка над казённым срезом, но не диоптрический, а открытый с прорезью. Замок ружья русского типа с прямыми пружинами, судя по аналогиям из собраний Эрмитажа и Музеев Кремля, он изготовлен мастером Оружейной палаты Андромом Дементьевым (раб. 1661—1670-е гг.), выходцем из Тулы. Ложа с прикладом турецкого типа инкрустирована фигурными пластинками из кости, в которые, в свою очередь, врезаны небольшие пластинки кости и рога; в такой манере работали многие ложевщики Оружейной палаты второй половины XVII в. Спусковой крючок прямой короткий в виде балясины. На цевье

Ил. 7. Пищаль с замком русского типа. Москва, Оружейная палата (?), 1670-е гг. Замок — Андрон Дементьев (?). Государственный Эрмитаж

Ил. 8. Пищаль с замком русского типа. Тула (?), конец XVII — начало XVIII в. Государственный Эрмитаж

имеется антабка в виде дужки. С нашей точки зрения, эта пищаль изготовлена мастерами Оружейной палаты в русле той же традиции, что и ружьё Кобелева 1663 г. и «двухаршинные» пищали 1674 г. Наиболее вероятная датировка эрмитажной пищали с замком Андрона Дементьева — 1670-е гг.

В качестве аналогов пищалей 1674 г. можно привести еще несколько русских ружей из музеев Санкт-Петербурга, на этот раз конца XVII—XVIII в. В Эрмитаже имеются три крупные и тяжёлые пищали (ил. 8), как и вышеуказанная, происходящие из собрания оружия С. Д. Шереметева, стволы которых, согласно публикации Э. Э. Ленца, имеют длину около двух аршинов, калибр двух из них, приведенный в долях вершка, в пересчёте на метрическую систему — около 14 и 19 мм; замки — русского типа; одна ложа кленовая, приклады ружейные, незначительно изогнутые вниз⁴⁸. Эти ружья, явно имевшие то же тактическое назначение, что и «турки» 1674 г., можно датировать рубежом XVII — XVIII вв. Общий дизайн этих ружей (без учёта их размера) сходен с казачьими пищальями, которые в это же время изготавливались в нижегородском оружейном центре — селе Павловна-Оке (Павловском Взвозе)⁴⁹. Но можно также предположить, что они изготовлены в Туле. Несмотря на отсутствие документов о подобном тульском производстве⁵⁰, цитированная выше опись Оружейной палаты 1711 г. подтверждает существование множества тульских «двухаршинных» стволов и ружей с такими стволами. Более того, в той же описи значатся также «205 пищалей долгих 3-х аршинных станки кленовые, стволы и станки тульско-го дела... 123 ствола пищальных трёхаршинных тульского дела»⁵¹.

Ещё одно косвенное указание на изготовление «длинных» ружей в Туле приводил Е. В. Мышковский — в описи арсенала Азова 1707 г. упоминались «длинноствольные ружья с тульскими замками»⁵².

Большая группа ружей с «двухаршинными» стволами хранится в Артиллерийском музее⁵³. Л. К. Маковская именовала их «раскатными фузеями» и в тактическом отношении считала их крепостными ружьями, предполагая, что этот тип оружия сложился в 1730-е гг. Также ею было установлено, что все эти ружья были собраны в Туле в 1742 г. с использованием тульских замков разного времени (батарейных с собачкой) и старых стволов, о происхождении которых не выдвигалось никаких версий. Стволы имеют длину 142–144 см при калибре 16–16,5 мм; отмечалось, что дизайн стволов и различающиеся прицельные приспособления не позволяют считать их серией, изготовленной в одном месте в одно время. С нашей точки зрения, эти стволы также могли быть изготовлены в Туле на рубеже веков, хотя отдельные дульные раструбы и прицелы напоминают изделия мастеров Оружейной палаты 1680-х гг.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет ещё одна вещь из Артиллерийского музея — «крепостной мушкет», который Л. К. Маковская датировала второй половиной XVII в. Предполагалось, что «крепостной мушкет» — это лёгкое крепостное ружьё, отличающееся от пехотного ружья лишь длиной ствола (сообщаются размеры в 170–200 см, калибры 15–17 мм)⁵⁴. Образец, опубликованный с фото⁵⁵, имеет ствол длиной 204 см калибром 16,2 мм и замок русского типа, последняя деталь сближает его с тремя вышеупомянутыми ружьями из Эрмитажа. Атрибуция этого ружья, ствол которого с полным правом можно считать «трёхаршинным», должна учитывать его происхождение из Соловецкого монастыря⁵⁶. В действительности, в описи имущества Соловецкой обители 1705 г. значились «четыре пищали турецкие длинные, пищаль новая длинная гладкая с прикладом»⁵⁷. Думается, что «турецкие» ружья имели стволы с раструбами, а «новая длинная» пищаль — это и есть ружьё с двухметровым стволом, других подходящих описаний в документе нет; определение «новая» позволяет датировать ее началом XVIII в.

Ствол последней пищали находит неожиданный аналог в собрании Музеев Кремля. Это еще более длинный ствол в 223,5 см

калибром 15,5 мм⁵⁸, установленный на ружье с батарейным плоским замком, которое без достаточных оснований было опубликовано как голландское ружьё для охоты на уток⁵⁹. С нашей точки зрения, это русское боевое ружьё — с берёзовой ружейной ложей и буквенным кириллическим клеймом на замке («Г У?»). Как и «трехаршинный» ствол из Артиллерийского музея, кремлёвский имеет характерное членение: относительно короткие гранёные казна и дульная часть и длинная круглая средняя часть. Подобные по морфологии трёхчастные пищальные стволы (стандартной длины) производились ещё в Оружейной палате в 1670—1680-е гг.⁶⁰ Но два последних сверхдлинных ствола мы склонны отнести, скорее, к тульским, коль скоро в письменных источниках «трехаршинные» стволы с другим местом изготовления не встречаются.

С другой стороны, помимо описей Оружейной палаты начала XVIII в. мы не знаем других указаний на изготовление в Туле сверхдлинных ружейных стволов. Нельзя исключить, что два указанных «трехаршинных» ствола были изготовлены всё же в Москве на старой производственной базе, заложенной еще в 1670-х гг. Известно, что в конце XVII — начале XVIII в. Оружейная палата развернула крупное производство вооружений на Бархатном дворе, куда привлекались, в том числе, тульские мастера. Возможно, оружие, изготовленное туляками на Бархатном дворе, могло в дальнейшем именоваться тульским.

Вопрос о классификационном определении описанного оружия — начиная от «двухаршинных» пищалей-турок 1674 г. и кончая раскатными фузеями 1740-х гг. — не столь очевиден. Строго говоря, их нельзя отнести к классическим «затинным пищалям» или крепостным ружьям, которые, как правило, были заметно тяжелее, снабжались опорным крюком-притином, имели больший калибр и никогда не выступали в качестве парадного и украшенного вооружения. Думается, что предложенное Л. К. Маковской определение «лёгкое крепостное ружьё» довольно удачно. С крепостными ружьями-гаковницами описанное в этой статье оружие объединяет длина стволов и, как следствие, дальнобойность, а также невозможность стрельбы с рук. Оно является как бы промежуточным звеном между тяжёлыми гаковницами и ручным огнестрельным оружием. Добавим, что среди военного имущества полевой армии начала XVIII в. ничего похожего не встречалось⁶¹.

Итак, в ходе нашей работы была выявлена уникальная группа русских «двухаршинных» стволов, изготовленных в Оружейной палате в 1674 г., также реконструированы пищали, на которых они были установлены. Пищали 1674 г., с одной стороны, можно именовать крепостным, с другой, — парадным оружием. Эта группа является самой старой серией русского длинноствольного оружия XVII в. из числа сохранившихся до наших дней. Особую ценность имеют данные о мануфактурной организации производства и оружейниках царских мастерских, выполнявших этот заказ. Значительную роль в производственной кампании 1674 г. сыграл мастер белорусского происхождения Лука Журин, но его вклад нельзя переоценивать, так как единичные пищали со сверхдлинными стволами изготавливались и ранее, причём в разных оружейных центрах России. Интересно, что другое наше исследование, которое велось параллельно, позволило обнаружить группу парадных копий, изготовленных в Оружейной палате в 1670 г., которые, так же как и пищали-турки, участвовали в масштабных воинских церемониях, сопровождавших встречу иранских послов в январе 1675 г.⁶²

Важным результатом работы является установление преемственности производства стволов 1674 г. с относительно более ранними изделиями мастеров Оружейной палаты, а также поздними российскими длинными ружьями, в том числе сохранившимися в Эрмитаже и Артиллерийском музее, для которых в нашем исследовании были предложены новые атрибуции. Приведённые данные позволяют заключить, что в России второй половины XVII в. существовал и активно развивался особый тип крепостных ружей; эти ружья имели замки разных конструкций, ложи разной формы, а объединяющим признаком служил сверхдлинный ствол (два аршина и более) относительно небольшого калибра. Первые образцы подобного оружия происходили, вероятно, из Турции, о чём говорит именование «турки», прилагавшееся позднее к чисто русским. Наиболее позднее оружие с подобными характеристиками бытовало по меньшей мере до середины в XVIII в. и носило название раскатных фузей.

Тем не менее, требует уточнения вопрос о боевом применении описанных ружей, выявление их в описях военного имущества, в частности, в крепостных арсеналах. Работу над группой стволов 1674 г. также нельзя признать законченной, их дальнейшее изучение, возможно, позволит найти новые клейма и имена мастеров,

а также прольёт свет на историю их производства. Отдельного исследования заслуживает хранящееся в Музеях Кремля русское ружьё с самым длинным из числа существующих стволом в 232,5 см.

¹ Автор искренне благодарит А. Ю. Самойлова за рисунки, выполненные для этой статьи.

² Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-5192—5195, ОР-5198, ОР-5200—5223, ОР-5225—5249, ОР-5251—5254.

³ Если бы подобный ствол был смонтирован на ложе, и его нижняя часть была скрыта цевьём, то он выглядел бы как двенадцатигранный в сечении.

⁴ Boccia Lionello G., Godoy Jose A. Museo Poldi Perzzoli. Armeria [Milano, 1985]. P. 483, 660, 661, № 824—826.

⁵ Музеи Московского Кремля. См.: *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 5. Кн. 4. *Огнестрельное оружие*. М., 1886. С. 11—12, № 6426. В настоящий момент надпись на стволе не видна; если сообщенная в описи дата 1602 г. будет подтверждена, то это ружьё можно будет считать самым ранним точно датированным турецким стрелковым оружием.

⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № ОР-5199, ОР-5224.

⁷ Эти два ствола не могли являться непосредственными образцами при производстве описываемой группы стволов в силу отличия размеров и калибра.

⁸ *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 5. Кн. 4. С. 337. № 8362.

⁹ Яблонская Е. А. *Огнестрельное оружие Нидерландов XVII—XVIII веков*. Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2012. С. 241, кат. 637—1081.

¹⁰ *Опись Московской Оружейной Палаты, составленная в 1835 году*. Часть пятая. *Огнестрельное оружие*. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. № 8355—8417. Два описанных выше украшенных турецких ствола, скорее всего, также входили в эту группу.

¹¹ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. СПб., 1887. Т. 1. (1688—1701). С. 101.

¹² *Опись оружию и оружейным припасам после бывшего мастера Константина Аббакумова*. 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 942. Л. 3, За, 16.

¹³ *Опись перечневая оружия и оружейных припасов в Оружейной верхней палате ж на Потешном и Оружейном дворах*. 1716. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 943. Л. 11 об.

¹⁴ *Опись оружия, оружейных уборов и амунических вещей*. 28 февраля 1730 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1244. Л. 23.

¹⁵ Русский замок на этой пиццали, изготовленный мастером Иваном Тоболиным (Тоболой), был опубликован нами в 2014 г. См.: Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI — начала XVIII в. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14—16 мая 2014 года. СПб., 2014. Ч. IV. С. 410.

¹⁶ Забелин И. Е. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях*. М., 1895. Т. 1. С. 724.

- ¹⁷ Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883. Вып. 2. С. 443.
- ¹⁸ Чубинский А. Н. Русское огнестрельное оружие и снаряжение XVI — начала XVIII века. Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». [В печати]. Пищаль с вкладным стволом находится в экспозиции музея. См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 248—249, 374—375, № 79. Её замок был опубликован в 2014 г. См.: Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI — начала XVIII в. Там же.
- ¹⁹ Абецдарский Л. С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII в. Минск, 1978. С. 231.
- ²⁰ Речь идет именно о мастерах царских мастерских. Наличие в России длинных кованых стволов артиллерийских орудий небольшого калибра и крепостных ружей говорит о существовании такой технологии. См.: Мышковский Е. В. Тихвинские пищали (Коллекция в фондах АИМ) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 3. Л., 1958. С. 367—379.
- ²¹ О выдаче денег на всякие покупки в Оружейную палату к государевым верховым, приказным и оружейным вещам. 1668 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11295. Л. 23.
- ²² Роспись государевым оружейным делам, которые на праздник недели Святой Пасхи были ему великому государю в подносе. 22 марта 1668 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11708. Л. 4.
- ²³ Роспись оружию и мастеровым людям, которое делано в Оружейном приказе в поднос царю Алексею Михайловичу к празднику Светлой недели 1663. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 8.
- ²⁴ Там же. Л. 16.
- ²⁵ Ср., например, дуло известной пищали Б. Я. Бельского. См.: Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. СПб., 2002. С. 205.
- ²⁶ О сделании вновь восьми пищалей длинных на турецкое дело с замками и станками. 1674. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 49433. Л. 1—2.
- ²⁷ О сделании в поднос к св. Пасхе стволов длинных ну турецкое дело. 1674. РГАДА. 396. Оп. 1. Ч. 32. Д. 49250. Л. 1.
- ²⁸ О поднесении для св. Пасхи царю Алексею Михайловичу разных вещей, сделанных в Оружейной палате по наряду. Апрель 1674. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 14946. Л. 9.
- ²⁹ О сделании в Оружейной палате 88 пищалей длинных на турецкое дело. 15 июля 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15000. Л. 1—2.
- ³⁰ О серебрении и позолоте в Оружейной палате 50 пищалей длинных гладких, что деланы вновь на турецкой образец. 16 декабря 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15286. Л. 1.
- ³¹ О серебрении 50 замков на турецкий образец к пищалям длинным турецким. 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15301. Л. 1.
- ³² О сделании пищалей по наряду в Оружейную палату. 19 декабря 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15302. Л. 1.
- ³³ См.: Чубинский А. Н. Казачьи пищали в собрании Оружейной палаты // Материалы и исследования. Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры

«Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». Вып. 21. М., 2012. С. 124, 135, 137.

³⁴ Росписи отрывочные пищалям, пистолням, лукам и пр. 1682 (?). РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20792. Л. 4.

³⁵ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. 1687. Л. 318.

³⁶ Если, конечно, эти предметы уже хранились в Оружейной палате в 1660—1670-е гг. Датировка этих стволов не ясна, в отличие от раннего турецкого оружия, они не имеют выреза под пороховую полку под запальным отверстием.

³⁷ О сделании на образец в Оружейную палату ствола пищального гладкого. 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15241. Л. 1.

³⁸ О сделании в Оружейной палате ствола гладкого. 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15253. Л. 1. 1.

³⁹ Автор выражает благодарность реставратору Музеев Московского Кремля В. А. Савилову.

⁴⁰ Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 28.

⁴¹ О серебрении и позолоте в Оружейной палате 50 пищалей длинных гладких, что деланы вновь на турецкой образец. 16 декабря 1674 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15286. Л. 1.

⁴² Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. 1645—1676. Ст. 1192.

⁴³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1872. Т. 12. С. 29.

⁴⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1889. Т. 11. С. 482—483.

⁴⁵ Савваитов П. И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря, по описным книгам 1668 года. СПб., 1851. С. 9—11, 14—17, 32, № 1014, 1016—1018, 1020—1022, 1030, 1041, 1075—1078, 1085, 1087—1089, 1092, 1093, 1101, 1103, 1106, 1107, 1113, 1323. Отметим, что собственно крепостные ружья в этом документе описаны отдельно.

⁴⁶ Там же. С. 14—15. № 1075, 1076, 1087.

⁴⁷ Ленц Э. Э. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 123—124, № 886. Государственный Эрмитаж, инв. № 3. О. 7944. Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам Государственного Эрмитажа Ю. Г. Ефимову и М. Г. Зайченко за возможность ознакомиться с этим оружейным памятником.

⁴⁸ Там же. С. 123, № 882—664.

⁴⁹ См.: Чубинский А. Н. Казачьи пищали в собрании Оружейной палаты. С. 127—128.

⁵⁰ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 9.

⁵¹ Опись оружию и оружейным припасам после бывшего мастера Константина Аббакумова. 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 942. Л. 3, За.

⁵² Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959. С. 65.

- ⁵³ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. С. 8—9, 29—30, 42, 140—141, рис. 104—105.
- ⁵⁴ Там же. С. 29, 41, 141, рис. 100.
- ⁵⁵ Там же. С. 141, рис. 100. Инв. № 10/42.
- ⁵⁶ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Каталог. М., 1990. С. 149, кат № 247; Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1877. Ч. I. С. 264, № ССLI.
- ⁵⁷ Книга описная Соловецкого монастыря и монастырской вотчины 1705 г. ОРПГФ. Рук. 1404. Л. 292.
- ⁵⁸ Эта величина с хорошей точностью совпадает с калибром образцового ствола, который ствольщик Оружейной палаты Никифор Кобелев был должен сделать в конце 1674 г. «пулею в дватцать одна пуля» (см. сноску 34).
- ⁵⁹ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII—XVIII веков. С. 225, кат. 260.
- ⁶⁰ См.: Часовые отечества. Из истории российского казачества. Российский этнографический музей. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 17, кат. 226.
- ⁶¹ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700—1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова М., 2008. С. 54.
- ⁶² См. нашу статью «О так называемых “пикинерных копьях” Преображенского полка» в настоящем издании, с. 405—419.